

пища. Прежде всего, «димогогеронты» (знатные) — термин городской и к деревне вряд ли имеет отношение. Означает он главарей так называемых димов, во времена генуэзцев уже не существовавших. Не имеет отношения к этому времени и протевон: источники XIV—XV вв. его не знают. Термин же «тимариот» относится, наоборот, к более позднему времени — времени Османской империи, к XV и следующему векам. Тимариоты — это владельцы (или, вернее, держатели) «тимаров», раздававшихся султаном с обязательством участвовать в походах во главе снаряженных всадников, число которых зависело от доходов, получаемых с тимаров. Как видим, О. И. Домбровский искусственно соединил самые различные термины и события разных времен, что отнюдь не способствует пониманию истории Таврики.

Далее следует классификация жилищ, раскопанных экспедициями автора в южной Таврике (с. 51—54). Однако и она лишена хронологии, а тем самым и историчности. Автор глухо говорит о «самых ранних поселениях», о поселениях «более поздних» (с. 51). Лишь относительно «паутинообразных» поселений (термин, конечно, условный, но мы не назвали бы его удачным) говорится, что они начали формироваться в XI—XII вв. (с. 53), однако, и здесь отсутствует обоснование датировки. Некоторые из таких поселений приобрели ремесленный характер и «даже почти городской облик» (там же). Далее перечисляются Тепсень, Алустан, Горзувиты, Эски-кермен, Мангун, т. е. поселения, возникшие в раннее средневековье, но прекратившие существование в разное время. Раннесредневековый период существования большинства из них — Алустана, Горзувита да и Мангуна — остается малоисследованным, поэтому объединение их в одну группу не вносит ясности. К тому же непонятно, в чем автор видит указание на «многоэтничность» жилищ (с. 51): это осталось в статье без всякого разъяснения. Между тем многоэтничность поселений в эпоху зрелого и позднего средневековья — в эпоху сложения единой средневековой народности в Таврике — вообще маловероятна.

По мнению автора, публикуемый им материал раскопок поселений и крепостей «в сумме дает наглядное представление о том, каким образом в Таврике начиная с X—XI вв. происходило вытеснение родо-племенного уклада непрерывно формировавшимися феодальными отношениями» (с. 54). Вполне вероятно, что в X—XI вв. процесс этот действительно имел место, но автор исходит лишь из самых общих соображений, а не из археологических фактов, ибо сам материал статьи большей частью так и остался в хронологически неопределенном и расплывчатом виде, т. е. лишенным качества исторического источника.

Далее в работе говорится: «Нашествие хазар и иконопочитательская иммиграция окончательно направили Таврику на путь феодального развития. После того, как прекратилось хазарское владычество, процесс этот непрерывно усиливался» (с. 54). Роль хазар в жизни Таврики автор, нам кажется, сильно преувеличивает (см. об этом ниже). Еще меньше оснований говорить о массовой «иконпочитательской иммиграции» монахов, бежавших из центральных областей Византии в разные страны, в том числе и в Таврику, о чем упоминает Житие Стефана Нового, о созданных ими в VIII—IX вв. в Таврике «укрепленных монастырях» (с. 55). Это совершенно произвольный тезис, ни на каких фактах не основанный (подробно об этом см. ниже, в связи со статьей И. Баранова).

В статье Е. Паршиной «Средневековая керамика южной Таврики» (с. 56—94) публикуется обширный материал по гончарному ремеслу из раскопок О. И. Домбровского. Особенно важны многочисленные знаки на черепицах из раскопок укрепленных и монастырей. Интересны находки грушевидных амфор типа VIII—IX вв., производившихся в печах, открытых в районе Ливадии и в самой Ялте (с. 59) и вполне аналогичных изготовлявшимся в Чабан-куле и в Канакской балке (в двух вариантах — более крупном и меньшем). Факты существования этих печей расширяют наши представления об определенном экономическом подъеме южнобережной Таврики (до сих пор была известна лишь печь того же времени в Мискоре, открытая и раскопанная В. П. Бабенчиковым). Но затем, видимо, и здесь наступил перерыв. По крайней мере, массового материала, типичного для IX—XI вв., на южном берегу Крыма крайне мало: не встречаются здесь ни типичные для этого времени амфоры, столь многочисленные в Херсоне (Херсонесе), почти нет находок привозной (из Византии) белоглинной поливной керамики X в. и византийской полив-